

Александр Иванович Куприн Сапсан

Я Сапсан Тридцать Шестой – большой и сильный пес редкой породы красно-песочной масти, четырех лет отроду, и вешу около шести с половиной пудов. Прошлой весной в чужом огромном сарае, Гед нас, собак, было заперто немного больше, чем семь (дальше я не умею считать), мне повесили на шею тяжелую желтую лепешку, и все меня хвалили.

Однако лепешка ничем не пахла.

Я – меделян. Надо говорить «неделян». В глубокую старину для народа раз в неделю устраивалась потеха: стравливали медведей с сильными собаками. Мой пращур Сапсан II в присутствии грозного царя Иоанна IV, взяв медведя-стервятника «по месту» за горло, бросил его на землю, Гед он был приколот главным царским псарем. В честь и память его лучшие из моих предков носили имя Сапсан. Такой родословной могут похвастаться немногие жалованные графы. С потомками древних человеческих фамилий меня сближает то, что кровь наша, по мнению знающих людей, голубого цвета. Название же Сапсан – киргизское, и значит оно – ястреб.

Первое во всем мире существо – Хозяин. Я вовсе не раб его, даже не слуга, и не сторож, как думают иные, а друг и покровитель. Люди, эти ходящие на задних лапах, голые, носящие чужие шкуры животные, до смешного неловки и беззащитны. Но зато они обладают каким-то непонятным для нас чудесным и немного страшным могуществом, а больше всех – Хозяин. Я люблю в нем эту странную власть, и он ценит во мне силу, ловкость, отвагу и ум. Так мы и живем.

Хозяин честолюбив. Когда мы с ним идем рядом по улице – я у его правой ноги, – за нами всегда слышатся лестные замечания: «Вот так собачище... целый лев... какая чудная морда» и так далее. Ни одним движением я не даю Хозяину понять, что слышу эти похвалы и что знаю, к кому они относятся. Но я чувствую, как мне по невидимым нитям передается его смешная, наивная, гордая радость. Чудак. Пусть тешится. Мне он еще милее со своими маленькими слабостями.

Я силен. Я сильнее всех собак на свете. Они это узнают еще издали по моему запаху, по виду, по взгляду. Я же на расстоянии вижу их души, лежащие передо мною на спинах, с лапами, поднятыми вверх. Строгие правила собачьего единоборства воспрещают мне трогать сдавшегося, и я не нахожу себе достойного соперника для хорошей драки... А как иногда хочется... Впрочем, большой тигровый дог с соседней улицы совсем перестал выходить из дома после того, как я его проучил за невежливость. Проходя мимо забора, за которым он жил, я теперь уже не чую его запаха и никогда не слышу издали его лая.

Люди не то. Они всегда дают слабого. Даже Хозяин, самый добрый из людей, иногда так бьет – вовсе не громкими, но жестокими – словами других, маленьких и трусливых, что мне становится стыдно и жалко. Я тихонько тычу его в руку носом, но он не понимает и отмахивается.

Мы, собаки, в смысле отгадывания мыслей в семь и еще много раз тоньше людей. Людям, чтобы понимать друг друга, нужны внешние отличия, слова, изменения голоса, взгляда и прикосновения. Я же познаю их души просто, одним внутренним чутьем. Я чувствую тайными, неведомыми, дрожащими путями, как их души краснеют, бледнеют, трепещут, завидуют, любят, ненавидят. Когда Хозяина нет дома, я издали знаю: счастье или несчастье постигло его, И я радуюсь или грущу.

Говорят про нас: такая-то собака добра, такая-то – зла. Нет. Зол или добр, храбр или труслив, доверчив или скрытен бывает только человек. А по нему и собаки, живущие с ним под одной кровлей.

Я позволю людям гладить себя. Но я предпочитаю, если мне протягивают открытую ладонь. Лапу когтями вверх я не люблю. Многолетний собачий опыт учит, что в ней может таиться камень (меньшая дочка Хозяина, моя любимица, не может выговорить «камень», а говорит «кабин»). Камень – вещь, которая летит далеко, попадает метко и ударяет больно. Это я видел на других собаках. Понятно, в меня никто не осмелился швырнуть камнем!

Какие глупости говорят люди, будто собаки не выдерживают человеческого взгляда. Я

могу глядеть в глаза Хозяина хоть целый вечер, не отрываясь. Но мы, собаки, отводим глаза из чувства брезгливости. У большинства людей, даже у молодых, взгляд усталый, тупой и злой, точно у старых, больных, нервных, избалованных хрипучих мосек. Зато у детей глаза чисты, ясны и доверчивы. Когда дети ласкают меня, я с трудом удерживаюсь, чтобы не лизнуть кого-нибудь из них прямо в розовую мордочку. Но Хозяин не позволяет, а иногда даже погрозит плеткой. Почему? Не понимаю. Даже и у него есть свои странности.

О косточке. Кто же не знает, что это самая увлекательная вещь в мире. Жилки, внутренность ноздреватая, вкусная, пропитанная мозгом. Над иным занимательным мосолком можно охотно можно охотно потрудиться от завтрака до обеда. И я так думаю: кость – всегда кость, хотя бы самая подержанная, а следовательно, ею всегда не поздно позабавиться. И потому я зарываю ее в землю в саду или на огороде. Кроме того, я размышляю: вот было на ней мясо и нет его; почему же, если его нет, ему снова не быть?

И если кто-нибудь – человек, кошка или собака – проходит мимо места, где она закопана, я сержусь и рычу. Вдруг догадаются? Но чаще я сам забываю место, и тогда долго бываю не в духе.

У нас живет в доме пушистая кошка «Катя», необыкновенно важное и дерзкое существо. Она держит себя так надменно, будто бы весь дом и все, что в доме – люди и вещи, – принадлежит ей. На чужих собак она всегда бросается первая, вцепляясь в морду. Мы с ней живем дружно, Вечером, когда мне приносят мою миску с овсянкой и костями, я охотно позволяю ей подойти и полакать со мною. Но уговор: косточек не трогать. И она это хорошо помнит после того, как однажды я на нее очень громко прикрикнул. Зато и я соблюдаю договор: кошкиного молока не трогать! Однако играть с ней я не люблю. Непременно в игре забудется и оцарапает мне нос. А этого я терпеть не могу. Долго потом чихаю и тру нос лапами.

На днях Маленькая позвала меня к себе, в детскую и открыла шкафчик. Там на нижней полке лежала на боку наша кошка, и ее сосала целая куча смешных слепых котят. «Правда, сапсан, какие они восторгательные?» – сказала мне Маленькая.

Правда. Они мне очень понравились. Двух или трех я обнюхал, лизнул и носом перевернул с брюшка на спинку. Они пищали, точно мышата, и были теплые и мягкие, беспомощные и сердитые. Забеспокоившись, кошка приподняла голову и сказала жалобным голосом: «Ах, пожалуйста, Сапсан, поосторожнее, не наступите на них лапой, вы такой большой».

Вот глупая. Точно я сам не знаю?

Сегодня Хозяин взял меня в гости в дом, где мы еще никогда не бывали. Там я увидел замечательное чудо: не щенка, а настоящую взрослую собаку, но такую маленькую, что она свободно поместилась бы в молей закрытой пасти, и там ей еще осталось бы довольно места, чтобы покружиться вокруг самой себя, прежде чем лечь. Вся она, со своими тоненькими, шаткими ножками и мокрыми выпуклыми черными глазами, походила на какого-то трясущегося паучка, но – скажу откровенно – более свирепого создания я еще никогда не встречал. Она с ожесточением накинулась на меня и закричала пронзительно: «Вон из моего дома! Вон сию же минуту! Иначе я растерзаю на части! Оторву хвост и голову! Вон! От тебя улицей пахнет!» И она еще прибавила несколько таких слов, что... Я испугался, пробовал залезть под диван, но прошла только голова, и диван поехал по полу, потом я забился в угол. Хозяин смеялся. Я поглядел на него укоризненно. Он ведь сам хорошо знает, что я не отступлю ни перед лошадью, ни перед быком, ни перед медведем. Просто – меня поразило и ужаснуло, что этот крошечный собачий комочек извергает из себя такой огромный запас злости.

После Хозяина всех ближе моему собачьему сердцу маленькая – так я зову его дочку. Никому бы, кроме нее, я не простил, если бы вздумали таскать меня за хвост и за уши, садиться на меня верхом или запрягать в повозку. Но я все терплю и, притворяясь, повизгиваю, как трехмесячный щенок. И радостно мне бывает по вечерам лежать неподвижно, когда она, набегавшись за день, вдруг задремлет на ковре, прикорнув головкой у меня на боку. И она, когда мы играем, тоже не обижается, если я иногда махну хвостом и свалю ее с ног.

Иногда мы с нею развозимся, и она начинает хохотать. Я это очень люблю, но сам не

умею. Тогда я прыгаю вверх всеми четырьмя лапами и лаю громко, как только могу. И меня обыкновенно вытаскивают за ошейник на улицу. Почему?

Летом был такой случай на даче. Маленькая еще едва ходила и была препотешная. Мы гуляли втроем. Она, я и нянька. Вдруг все заметались – люди и животные. Посредине улицы мчалась собака, черная, в белых пятнах, с опущенной головой, с висящим хвостом, вся в пыли и пене. Нянька убежала, визжа. Маленькая села на землю и заплакала. Собака неслась прямо на нас. И от этого пса еще издали сразу повеяло на меня острым запахом безумия и беспредельно-бешеной злобы. От ужаса вся шерсть на мне вздыбилась, но я превозмог себя и загородил телом Маленькую.

Это уже было не единоборство, а смерть одному из нас. Я сжался, выждал краткий, точный миг и одним скачком опрокинул пеструю на землю. Потом поднял за шиворот на воздух и встряхнул. Она легла на землю без движения, плоская и теперь совсем не страшная. Но Маленькая очень перепугалась. Я привел ее домой. Всю дорогу она держала меня за ухо и прижималась ко мне, я чувствовал, как дрожало ее маленькое тельце.

Не бойся, моя Маленькая. Когда я с тобой, то ни один зверь, ни один человек на свете не посмеет тебя обидеть.

Не люблю я лунных ночей, и мне нестерпимо хочется выть, когда я гляжу на небо. Мне кажется, что оттуда смотрит кто-то большой, больше самого Хозяина, то, кого Хозяин так непонятно называет «Вечность» или иначе. Тогда я смутно предчувствую, что и моя жизнь когда-нибудь кончится, как кончается жизнь собак, жуков и растений. Придет ли тогда, перед концом, ко мне Хозяин? Я не знаю. Я бы этого очень хотел. Но даже если он и не придет – моя последняя мысль все-таки будет о Нем.